

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ

ЛИССНЕР – ОТРАЖЕНИЕ ЗОРГЕ (Часть 3)*

А.Г. Фесюн

Кафедра цивилизационного развития Востока
Отделение востоковедения
Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики
Малый Трехсвятительский пер., 8/2, Москва, Россия, 109028

В данном материале представлена биография и деятельность немецкого разведчика Ивара Лисснера – человека, практически повторившего жизненный путь советского разведчика Рихарда Зорге, работавшего в дальневосточном регионе в 30–40-е гг. XX в. Судьба его отразила все те душевные метания, что были присущи германской молодежи в межвоенный период: от восторженности казавшимся ему началом возрождения своей страны с приходом Гитлера до горькой обиды от внезапного отторжения обществом, когда выяснилось его неарийское происхождение, и тяжелого разочарования после предательства соотечественников и помещения в японскую тюрьму. В заключительной третьей части публикации основной темой являются отношения Ивара Лисснера и Рихарда Зорге, а также финал деятельности Лисснера, – его арест, инициированный главой дальневосточного отделения гестапо, и послевоенный период.

Ключевые слова: Германия, фашизм, Япония, СССР, разведка, Абвер, Рихард Зорге, Манчжурия, Китай.

«Оба – Зорге и Лисснер – осознавали, что в будущем их ожидает лишь отчаяние. Если говорить об этой стороне жизни Зорге, сравнительно мало известного публике, то можно привести следующий отрывок из воспоминаний Айно Куусинен. «[В один из дней в конце ноября 1937 г.] я встретила в цветочном магазине, как мне и было назначено, помощника, вместе с которым мы пришли на квартиру к Зорге. Тот лежал пьяный на диване; рядом с

* Начало см.: Вестник РУДН. Серия всеобщая история. – 2012. – № 3. – С. 87–110; 2013. – № 2. – С. 74–94.

ним на столике стояла пустая бутылка из-под виски, – он явно не пользовался стаканом и пил из горлышка. Было ясно, что ответственность за все лежала на нем тяжким грузом. Зорге сказал, что всем нам, включая его, приказано вернуться в Москву. Я должна была следовать до Владивостока, откуда мне укажут маршрут... Если бы тогда Зорге подчинился приказу о возвращении, его бы наверняка казнили» (1).

Однако Зорге это предвидел. «До этого он говорил Вукеличу: “Если я вернусь, меня обязательно расстреляют. Ведь я – последний из ленинской фракции”».

Судьба членов «Красной капеллы» Гран Шюфа и Леопольда Треппера, друзей Зорге и источников его финансирования из Европы, показывает, что случилось бы с ним, вернись он из Японии после завершения там работы. Сделавший немалый вклад в разгром Гитлера Треппер после освобождения Парижа был перевезен в Москву, но вместо ожидаемых от Сталина наград и благодарности угодил в лагерь. Подробнее об этом рассказано в его книге «Человек, которого боялся Гитлер». Но насколько же ужасная судьба! Ежедневно находиться на волосок от смерти, собирать ценнейшую информацию, думать, что в Москве тебя ждут, а в результате попасть в тюрьму... В этом смысле отчаяние Зорге вполне можно понять.

Но вернемся к нашей теме; сходство Зорге с Лисснером очевидно каждому. В предисловии к книге Лисснера «Мой трудный путь», озаглавленном «Об этой книге», говорится следующее: «Адмирал Канарис использовал его как антипода (Gegenspieler) знаменитого шпиона доктора Зорге. Тот передавал секретную информацию Советскому Союзу, а Лисснер слал в Берлин сведения о российской военной промышленности и о перемещении войск».

Ну, а каким Зорге предстал в глазах Лисснера? Посмотрим, что он писал в уже упоминавшихся Воспоминаниях в главе «Встреча с Рихардом Зорге в отеле *Империял*».

«В холле у входа [в отель *Империял*] сидел мужчина в пиджаке чайного цвета, о чем-то задумавшийся, с несколько искаженным морщинами лицом. Его облик подавлял окружающих. С гневным видом, ударяя кулаками по столу и вытянув ноги, он громким голосом комментировал политические события. Но вдруг он замолчал, поднялся и тихо сказал, что идет в бар. Когда там ему не дали нужный сорт виски, он вспыхнул от гнева и принялся громко ругаться, но тут же пожал руки почти всем присутствовавшим там.

«Я пришел ради вас», – с этими словами он увлек какого-то японца в сторону и стал говорить с ним, понизив голос. Остальные ждали-ждали, но, наконец, потеряли всякое терпение и начали разговор с другой важной персоной. Затем его поприветствовал какой-то немец и повел в ресторан. Там ждали корреспонденты газет, представители дипкорпуса, бизнесмены и переводчики, и этот лишенный стыда и стеснения человек сделал короткое выступление.

Несомненно, Рихард Зорге находился в центре политики, газетного и делового мира, являясь человеком, уловившим главную суть международ-

ных отношений, завязывавшихся в Токио. К тому же он имел близкие и доверительные отношения с германским послом – генерал-майором Ойгеном Оттом. Зорге представлял собой некий сплав боксера и профессора. Он был корреспондентом газеты «Франкфуртер Цайтунг», интеллектуалом высокого уровня, любителем выпить и одновременно дальновидным человеком. Он был фанатиком, однако никто не знал, во что же он действительно верит. Когда ему возражали, он дико гневался и из него выплескивались эмоции. Будучи одним из столпов германской общины в Токио, он беспрестанно и совершенно открыто высмеивал нацистов. Все просто пугались; похоже было, что он – единственный немец, кто может это себе позволить. И в то же время у него ничего не было за душой. То есть в его преданности и искренности невозможно было усомниться. Он был повсюду; делал заявления от имени посла, сам поставив себя на высшую должность германского представителя. Он составлял отчеты Отта в своей интерпретации.

Зорге жил с японской женщиной; поговаривали, что он дает ей уроки игры на пианино. Их дружба с Оттом началась, когда тот был в Нагоя (перед тем, как стать послом, Отт в чине подполковника был прикомандирован к 3-му артиллерийскому полку в Нагоя), и люди считали, что Зорге – правая рука посла. Для всех важных решений требовалось одобрение Зорге, везде чувствовалась влияние этого «вездесущего божества». Зорге поддерживал близкие отношения с высокопоставленными японскими чиновниками, немецкими коммерсантами и журналистами, доставляя Отту высококачественную информацию, лишь некоторая часть из которой носила военный характер, а в основном это были сведения политические и экономические.

Однажды в холле «Империяла» он уселся прямо напротив меня. «Война начинается, – сказал я. – Интересно – кто выиграет?» Этот вопрос вызвал у него громовой смех. Это был хохот, казалось, сотрясший все помещение. «Конечно же Россия!» «Однако непохоже, чтобы Россия сейчас была в состоянии это сделать», – возразил я. «Вот увидите! Надо только чуть-чуть подождать», – сказал гигант и вновь разразился хохотом. На этот раз в его смехе проскальзывали нетрезвые нотки.

Это произошло 1 сентября 1939 г. (нацистская Германия оккупировала Польшу; началась Вторая мировая война). Тогда никто не мог усомниться с том, что Рихард Зорге является добропорядочным немцем. Он был гедонистом, но незлобным и, казалось, совершенно не думал о будущем. В действительности же Зорге более ясно, чем кто бы то ни было, представлял себе ситуацию.

Однажды я вошел в холл с русской газетой и положил ее на стол. Я был специалистом по русскому языку, но в тот момент не подумал, что Зорге его понимает.

«Читали это?» – спросил я у него.

Зорге секунд 15 тянул из стакана виски. Русский был его родным языком, он говорил на нем, как на немецком, но об этом никто не знал.

«Читать это? Если бы я мог читать это, то был бы последним тупицей!», – и он разразился хохотом, от которого сотрясались стены.

Зорге был моим добрым другом. Мы встречались каждый раз, когда я бывал в Токио. И во мне он нашел настоящего друга. Так продолжалось несколько лет. С течением времени подвиг Зорге становится все яснее, приобретает конкретные очертания и подтверждения. Сперва японцы дали высшую оценку его разведывательной деятельности, когда повесили его [7 ноября] 1944 г. Ведь Зорге был лучшим другом генерала Отта, посла Германии, осуществлявшим контакты своей страны с Японией. Ну, а в наши дни русские очень гордятся тем, что сделали его героем – одного из тысяч разведчиков, работавших за границей (в мае 1965 г. Верховный Совет СССР присвоил Зорге звание Героя Советского Союза).

Два главных успеха Зорге: сообщил в Москву, что в 1941 г. Гитлер вторгнется в СССР и что Япония решила не начинать военных действий против России. В разведдеятельности над одним заданием работают сотни, а то и тысячи людей. Советский Союз имел в Восточной Азии предположительно около 200 шпионов, и эта цифра может быть сильно заниженной – но даже в этом случае одно за другим приходило 200 донесений, так что постоянно повторяющееся утверждение о том, что Зорге слал правдивые донесения, а Сталин их не принимал, – это полная чушь.

Дело в том, что выбрать верное сообщение из двухсот, пятисот, а то и тысячи донесений – крайне трудная задача. Эта сложность пронизывает всю разведдеятельность. Кроме того, у СССР было посольство в Токио, где работало 50–100 чел. Поэтому для нас нет необходимости предполагать, что советское посольство не могло справиться с добыванием как мелкой рыбешки, так и значительных сведений о том, что Япония воздержится от нападения на СССР. Русские хорошо знали о тех силах, которые собирались на них напасть. Где-то за 10 дней до вторжения из шанхайского консульства пришла телеграмма, в которой говорилось об ударных танковых армиях вермахта. Из дружественных России стран приходили донесения о том, что либо придется отдать Гитлеру Украину, либо начнется война. Грузинский сирота Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин) счел нужным не поднимать свои войска, и причину этого мог бы объяснить только он сам – известный мастер шахматных партий» (2).

Итак, мы видели, что Лисснер, чья позиция весьма отличалась от взглядов Зорге, ценил его очень высоко.

Сотоварищи, работавшие с ним в одной сфере, разумеется, описывали его в весьма положительных тонах. И уже упоминавшаяся сотрудница того же 4 отдела Красной Армии, побывавшая в Японии Айно Куусинен (3), и работавший в Европе в составе «Красной Капеллы» Леопольд Треппер (4), и Рут Вернер, побывавшая с ним в Шанхае (5), и Рут фон Майенбург, хорошо знавшая Коминтерновский период Зорге (6), – все они рисуют весьма привлекательный облик этого человека. «Неосторожный и простоватый» – такая

единственная отрицательная характеристика дана ему Элизабет Порецки (7) [...]».

22) *Гестапо; интриги Майзингера.*

С давних пор в нацистском государстве, казавшимся извне образцом дисциплины, между МИДом и отделом информации шла скрытая, но отчаянная борьба. Теперь же это перетягивание каната внезапно перешло во взрывную фазу. Чиновники МИДа были недовольны тем, что им приходилось сотрудничать с другими организациями, представляющими империю за границей, однако мирились с этим. Им приходилось мириться и с тем, что под дипломатическим прикрытием в посольствах сидел представитель тайной полиции – гестапо, и они были совершенно не в восторге от того, что в эти представительства может быть введен еще и человек от военной разведки. В общем, военные разведорганы в плане политического воздействия были слабее гестапо. Несмотря на это, военная разведка должна была воспринимать главу диппредставительства как общего администратора информационного отдела. Глава же диппредставительства, ограниченный рамками своих обязанностей, уведомлялся обо всей разведдеятельности; МИД читал его доклады, и не было ни одного случая, чтобы они были пересланы в военную разведку до того, как на них появлялась разрешительная подпись.

Война в значительной степени нарушила такое противостояние; тем не менее, в случае с Лисснером неприязнь между МИДом и разведорганами вермахта проявилась особенно явно. Человек из военной разведки раскрыл одну весьма неприглядную тайну МИДа, ставшую достоянием гласности, поэтому чиновники Риббентропа уже не забывали имени Лисснера. Тут возникла ситуация, когда различные организации Третьего Рейха забыли о своих трениях, начав «охоту на ведьм». МИД, нацистская партия и гестапо объединились с тем, чтобы арестовать единственного эффективно работавшего на Дальнем Востоке немецкого разведчика.хлопоты, связанные с организацией этой охоты, на время притушили тот пожар противоречий, что бушевал в отношениях между этими организациями. Представитель МИДа легко согласился квалифицировать доклад Лисснера от 23 марта как посланный с нарушением всех правил. Он и его руководство настаивали на том, что этот доклад из-за его политизированности должен был быть послан не в разведотдел Вооруженных сил, но в сам МИД. Вскоре через посланника в Синьцзине Лисснеру было передано: «В дальнейшем ваша индивидуальная деятельность ограничивается». Военная разведка смирилась с этим. Коллега Буша Элтинг (Elting) 30 апреля передал в адрес Лисснера следующее: «Сообщений по Зорге больше не нужно. Им занимается другая организация».

Далее, следившие за Лисснером люди принялись при всякой возможности саботировать его работу. Целью было понизить его оценку в глазах руководства разведки Генштаба несмотря на то, что он был для них основным источником информации по Восточной Азии; внушить к нему недоверие, постоянно мешая его работе. В Харбине консул Поншаб говорил всем:

«Я считаю Лисснера советским шпионом. Я не стану ему помогать ни в чем». Далее, когда Лисснер просил у консула поддержать у себя пришедшую в его адрес бандероль, Поншаб послал в МИД телеграмму следующего содержания. «Основные материалы относительно личности Лисснера, его деятельности и в особенности – степени возможного доверия к нему отсутствуют, поэтому я, без проверки содержимого секретной бандероли, не беру на себя ответственности по ее хранению». Наконец, сообщения Лисснера, пришедшие в МИД, переправлялись с большими проволочками, и были случаи, когда они устаревали и не могли быть использованы. В министерстве их держали от 3 до 5 дней.

Майзингер также не прекращал нападков на Лисснера. Он пытался подорвать доверие к нему, пользуясь своими служебными отношениями с *кэмпэйтэй*. Уже 15 августа он сообщает в Министерство государственной безопасности, что Лисснер помещен под постоянное наблюдение японских сил охраны общественного порядка.

Однако японская сторона не потеряла доверия к Лисснеру. Дело в том, что в нем видели одного из главных исполнителей антикоминтерновской деятельности.

Если бы посланник в Токио Вагнер вновь не помог Лисснеру, тот столкнулся бы с непреодолимыми трудностями. Вагнер неоднократно предупреждал Лисснера о нераздельности антипатий к нему различных организаций, много раз через друзей Лисснера в Берлине требовал отговорить его от предосудительных поступков; в случаях, если Лисснеру требовалась поддержка с тыла, всегда следовал его запросам. Когда консул Поншаб попробовал запретить Лисснеру заходить в помещение консульства в Харбине, Вагнер срочно переподчинил Лисснера советнику дипмиссии Галински (Galinski). Как только у Лисснера появился шанс, Вагнер тут же принял меры, ограничивающие активность группы Шульце.

После 9 мая 1942 г. Лисснер из-за оплошности тайного агента гестапо Шульце имел точное представление, кто за его спиной ведет против него демагогическую кампанию. Не зная, что казачий атаман Роджаевский является помощником Лисснера, Шульце попытался использовать его в борьбе с Лисснером. Тот посылает 1 июля следующую телеграмму в Берлин: «С целью воспрепятствовать моей работе Адальберт Э. Шульце уже в течение трех месяцев ведет за мной слежку с помощью иностранных граждан. Большой пользы ему это не приносит, однако наиболее ценная информация проходит стороной». Ему помог и посланник Вагнер: «С тем, чтобы дать Шульце ясный сигнал, я на некоторое время задержал его паспорт в харбинском консульстве», – сообщал он.

Далее адмирал Канарис в докладной руководителю СС Гиммлеру описал все те препоны, которые ставились военной разведке. «Иностранное бюро информационного отдела считает невозможным дальнейшее пребывание Шульце в Маньчжурии. Мы просим об отзыве Шульце из Маньчжурии и снятии его с занимаемой должности».

Для своего оправдания Шульце подал заявление в партийный суд чести, однако по представлению государственной службы безопасности это заявление было отклонено. Майзингер получает 17 октября следующее уведомление: «Заявление Шульце не принято. Оно не соответствует целям имперской безопасности». Тут Майзингер понял, что министерство безопасности не собирается бороться с военной разведкой. Более того, из министерства ему пришел приказ: «Не мешать деятельности Лисснера».

И тем не менее Майзингер выложил свой последний козырь в этой игре. Через свои контакты с *кэмпэйти* он знал, что японская сторона также начала питать сомнения относительно Лисснера, и гестаповец Майзингер решил, что теперь – самое удачное время для использования всех сил японской стороны для того, чтобы погубить разведчика Лисснера. Он тайно передает *кэмпэйти* старый доклад Шульце, в котором говорится, что Лисснер занимается деятельностью в пользу СССР и ведет промышленный шпионаж против Японии. От этого подозрения японцев в отношении Лисснера усилились; теперь для них это был вовсе не тот прежний писатель, заслуживающий доверия.

23) *Вмешательство кэмпэйти.*

Ко всему прочему Лисснер сам усилил подозрение к себе, заявив, что Фютерер и подполковник Такаки являлись английскими шпионами, – для *кэмпэйти* это было чрезвычайно опасное заявление. Если насчет подполковника Такаки были сомнения – виновен он или нет, и здесь *кэмпэйти* могло разбираться, то в случае с Фютерером она не могла доказать его виновность. Проведя расследование, *кэмпэйти* знало всю слабость обвинений против Фютерера, якобы шпионившего на англичан. Поэтому они, напротив, стали сомневаться в Лисснере. Вскоре *кэмпэйти* запретило ему приводить деятельность по сбору информации. К тому же советское правительство не раз и не два заявляло Японии протесты, где говорилось, что подрывная антисоветская деятельность наносит ущерб советско-японскому договору о нейтралитете. И еще, узнав о разгроме немецких войск под Сталинградом, даже прогерманские слои японского общества поняли, что Гитлеру не удастся победить СССР. После этого Токио начало прислушиваться к протестам советской стороны.

Японское правительство потребовало от Германии сообщить имена шпионов, работающих с января 1943 г. на германскую разведку в северном и центральном Китае. То есть теперь все тайные сотрудники Германии оказывались «засвеченными».

Майзингер выдумал еще один способ расширить сферу недоверия японцев к Лисснеру. Он обратил свое внимание на его помощника – Кромэ. Майзингер настаивал на том, что Кромэ собирал сведения о времени захода и выхода из гаваней немецких судов с тем, чтобы выяснить японскую систему их блокирования и передать ее американцам и англичанам, которые тогда легко смогли бы ее преодолеть. Затем он переправлял их Лисснеру, который

тайно передавал информацию в советское консульство в Харбине. Майзингер изложил историю, которую сам же слышал лично от Кромэ, расставив акценты совершенно противоположно. Дело было вот в чем. Один из секретарей Кромэ по имени Коикэ познакомился в пивном заведении Йокогамы с неким Владимиром Мануэльским, гражданином Румынии. Тот хвалился, что «посылает немецкие корабли на смерть». Коикэ провел расследование и выяснил, что Мануэльский является руководителем организации саботажников и работает на починке систем охлаждения германских судов. Коикэ и Кромэ задумались – не имеет ли он отношения к взрыву на крейсере «Толль», случившемся за несколько недель до этого в бухте Йокогамы. В конечном счете они отправили донесение об этом военному атташе в германском посольстве в Токио. Атташе же рассказал об этом Майзингеру, и тот сделал весьма резкий выговор Кромэ и Коикэ, заявив, что им следовало передавать такой отчет не военному атташе, а полицейскому представителю при посольстве.

Чтобы натравить японцев на Лисснера, Майзингер, прочтя отчет Кромэ, обратил его против него самого.

Кэмпэйтэй, методы расследования в которой были столь же жестокими, как в гестапо, живо ухватилось за эту версию и занесло Лисснера в список подозреваемых. 3 декабря посланник в Синьцзине Вагнер узнал от сотрудника в Японии, что Объединенное руководство *кэмпэйтэй* в Токио приказало своему харбинскому филиалу взять под тщательное наблюдение Лисснера, подозреваемого в шпионаже на СССР. Вагнер немедленно послал Лисснеру секретную телеграмму, в которой рекомендовал сжечь все секретные бумаги, подтверждавшие его контакты с советскими гражданами. Берлинский разведцентр также испугался и настоятельно предлагал Лисснеру раскрыть перед японской стороной свою принадлежность к германским разведорганам, дабы пресечь интриги Майзингера.

Однако Лисснер колебался – признавать себя немецким шпионом или нет. Ведь, по его мнению, такое признание от человека, уполномоченного самим фюрером, снижало его статус до уровня обычного шпиона, что должно было весьма поколебать его облик в глазах русских. Более того, он верил, что располагает достаточным доверием к себе со стороны японской армии и в отношении своей дальнейшей работы ему нет нужды волноваться.

В первой декаде мая 1943 г. Лисснер подал в харбинский отдел *кэмпэйтэй* заявку на новую поездку, в которой вновь говорил о себе как о высокопоставленном сотруднике гестапо. Эта заявка была переслана в Токио Майзингеру, и тот согласовал с *кэмпэйтэй* свою поездку в Харбин 10 мая, предполагавшуюся чуть ранее. До 12 числа он сумел объяснить своим японским коллегам из *кэмпэйтэй*, что Лисснер незаконно работает как на Германию, так и на СССР. Вернувшись в Токио 22 мая, Майзингер представил послу Штаммеру доклад, составленный совместно с *кэмпэйтэй*. В нем говорилось, что Лисснера следует отозвать в Германию, где и судить как советского шпиона.

Военный атташе был согласен с предложением Майзингера и в своем послании объединенному руководству требовал осудить Лисснера. Однако адмирал Канарис занял позицию, противоположную антилисснеровской группе. В записке, посланной в МИД, он писал следующее: «Руководство военной разведки не считает соответствующим действительности доклад японской военной полиции, рассматривающий деятельность Лисснера как работу на Советскую Россию». Далее, Канарис отослал военному атташе в Токио следующий приказ: «Вам следует быть посредником в отношениях с органами японских Вооруженных Сил с тем, чтобы максимально улучшить позицию Лисснера».

В токийском посольстве вновь началось брожение.

Наконец, Майзингер выпустил свою последнюю отравленную стрелу. 25 мая он отправляет в Берлин донесение, где говорилось, что Лисснер аттестовал себя как «офицера штаба фюрера», и просил ясных разъяснений – так ли это. Антилисснеровская группа в МИДе немедленно переправила запрос в горную виллу Гитлера, а представитель МИДа Хевел (Hewel) положил в папку для просмотра. В соответствии с запиской Хевела Риббентроппу от 30 мая «фюрер не знал имени “Лисснер”». Разумеется, он подтвердил требование о его немедленном отзыве. Коротко просмотрев содержание записки Второго отдела, он сказал, что лучше бы таких людей расстреливали на месте.

Для Майзингера более не было препятствий в натравливании японской *кэмпэйтэй*, однако до того, как то что-либо предприняло, перед открытым всем опасностям человеком внезапно явился непредвиденный спаситель. Им стала особая тайная полиция (*токко*), конкурент и соперник *кэмпэйтэй*.

Через одного из начальников отделов МИДа, находившегося под их контролем, *токко* вызвала Кромэ в министерство; там ему был задан вопрос: не желает ли он отправиться в долгосрочную командировку для исследования состояния японского ВМФ в южных морях. Ничего не знавший Кромэ сказал, что месяца через 2–3 было бы неплохо. На это высокопоставленный чиновник ответил: «Тогда будет слишком поздно. Очень неплохо было бы выехать через 2–3 дня!», после чего изложил дело совершенно откровенно.

Кэмпэйтэй намеревается арестовать Кромэ. «[Когда они начнут действовать], мы, вероятно, не сможем вас защитить... У нас подготовлен самолет, чтобы вывезти вас за границу, где вы пробудете около года... Что случится за это время – неизвестно, однако через год Майзингера здесь почти наверняка не будет».

Кромэ крепко задумался. Он не мог бросить свою семью, да и Лисснера на произвол судьбы, – об этом он сказал чиновнику. У того, однако, был готов план и на этот вариант. Кромэ должен послать Лисснеру письмо, которое за одну ночь будет доставлено адресату сотрудниками *токко* в Харбине. Кромэ согласился. Однако в ответном послании Лисснер сообщал: «Мои друзья в Берлине точно обещали защитить меня от гестапо». Прочитав это, Кромэ решил оставаться на своем месте в Токио, – отсюда и начались все беды.

В это время Майзингер настойчиво предлагал послу Штаммеру принять участие в некоем заговоре, где сам Майзингер должен был играть первую скрипку. Под каким-нибудь предлогом Штаммер должен был вызвать Лисснера в Токио, и, когда тот появится в посольстве, Майзингер арестовывает его и передает японской стороне. Посол также склонялся к мысли, что в этом случае Лисснер исчезнет, не привлекая внимания общества к случившемуся.

И вот 28 мая он посылает ему телеграмму, в которой говорится о необходимости его присутствия на каком-то совещании. Харбинский консул Поншаб отбил ответ, что Лисснер прибудет в Токио 1 июня. Однако Галинский, близкий друг Лисснера, прочтя в Синьцзине телеграмму Штаммера, ощутил недоброе. Он срочно позвонил Лисснеру в Харбин и настоятельно советовал ему отложить поездку в Токио.

После этого глубокой ночью 31 мая Галинский приехал в Харбин и долго говорил с Лисснером у него дома. Выслушав его рассказ, Лисснер тут же оставил намерение ехать в Токио, так что коварный план Майзингера провалился. Разгневанный посол Штаммер вызвал в Токио Галинского, где заявил, что от действий того интересам империи был нанесен серьезный ущерб. Получивший такой грубый выговор от посла Галинский более никаким образом не имел отношения к делу Лисснера; он отказывался говорить о нем и после войны.

24) *Арест Лисснера кэмпэйтэй, помещение его в особую тюрьму кэмпэйтэй в Йокогама.*

Очередь теперь была за *кэмпэйтэй*. Руководитель его харбинского отделения, полковник Касуга, был старым знакомым Лисснера. Ему и пришел приказ, как можно менее привлекая внимание, отправить Лисснера в Токио. 4 июня 1943 г. Касуга прибыл вместе с Лисснером на железнодорожный вокзал в Харбине. Когда поезд пересекал границу Маньчжурии и Кореи, Лисснер был арестован. Практически одновременно *кэмпэйтэй* арестовала Кромэ, его помощника Коикэ и женщину-секретаря Урсулу Шварц (Ursula Schwarz). Все они встретились еще раз – в йокогамской тюрьме.

За Лисснером и его друзьями со скрипом захлопнулась тюремная дверь *кэмпэйтэй*. Германское же посольство и германское МИД не пошевелило и пальцем ради улучшения судьбы заключенных. Посол Штаммер так отозвался об этом деле: «Инцидент Лисснера – это новое дело Зорге. Любое вмешательство в пользу арестованных приведет лишь к ухудшению германо-японских отношений». Мнение МИДа было таким же. Хотя посланник Фон Гроте, представитель военной разведки, настаивал на том, чтобы посол в Токио каким-то образом вмешался и посылал соответствующие предложения, руководство оставило их без внимания.

Перед оставленным на произвол судьбы своими руководителями Иваром Лисснером открывался кошмарный мир камер ужасов и подземных казематов *кэмпэйтэй*, сопоставимый, как говорили, с теми, что располагали гестапо и ГПУ. Неофициальными названиями заведения в Йокогама были «помойка» и «навозная яма». Уже от одного этого заключенные падали ду-

хом. За четырехметровыми стенами стояло каменное здание в несколько этажей правильной квадратной формы. Для нескольких миллионов японцев оно знаменовало собой символ ничем не ограниченной власти *кэмпэйтэй*.

7 июня надзиратель ввел Лисснера в одиночную камеру на первом этаже. Иногда, выглянув из окна комнаты для допросов во внутренний двор, он мог видеть своего друга Кромэ, одетого в синюю робу. (Подследственные носили синюю одежду; осужденные – красную.) По воспоминаниям Кромэ, «Лисснер говорил мне: “Я буду бороться. Они меня не проведут!” Я же не знал ничего о Советском Союзе и не был связан ни с какими советскими органами». Лисснеру удавалось поддерживать в себе оптимизм. Дело в том, что назначенный к нему следователем капитан Сиути (9) не имел ни единого подтверждения тому, что немцы Лисснер и Кромэ выкрадывали японские и германские секреты и передавали их советским разведорганам, и Лисснер знал об этом. Собственно, кроме донесения Шульце Сиути располагал лишь одной уликой – найденной при обыске квартиры Лисснера картой Маньчжурии, принадлежавшей японскому Генштабу. Когда Кромэ рассказал о своем деле начальнику тюрьмы, тот криво улыбнулся: «Ну и *кэмпэйтэй*, просто впали в детство!»

25) *Пытки кэмпэйтэй.*

Капитан Сиути прежде всего поместил Лисснера и Кромэ в отдельные комнаты для допросов. Внимание им уделял в лучшем случае лишь один надзиратель. Так прошло две недели. Временами из коридора доносились неприятные звуки, заметно подрывавшие оптимистический настрой обитателей камер. Понемногу они стали понимать природу этих звуков. Как потом писал Кромэ, «то были звуки ударов при избиениях и долго после этого звучавшие стоны и плач жертв *кэмпэйтэй*. Сперва для нас двоих слушать это было просто невыносимо, однако вскоре мы к ним привыкли». Понемногу эти стоны и плач стали раздаваться все ближе. Вскоре такие же звуки должны были донестись и из их камер.

Ведший расследование капитан Сиути проводил допросы заключенных с точностью машины. Он начал с самого слабого звена группы Лисснера – это была секретарша Кромэ Урсула Шварц, находившаяся на последнем месяце беременности. Она сразу же начала давать показания против Кромэ. Собственно, она давно уже поссорилась со своим прежним начальником. Судя по ее рассказам, Кромэ для сбора информации использовал одну женщину легкого поведения, которая выведывала различные сведения у моряков – посетителей пивных заведений в Йокогаме. Узнав же от нее все, что его интересовало, он отказался компенсировать ее труды. Шульце не доверяла Кромэ и без запинки подтвердила все, что от нее требовал следователь.

По ее словам, Кромэ, бывая в пивных японских гаваней, постоянно контактировал с членами команд германских судов и получал от них точные сведения относительно времени выхода кораблей в море. Полученную таким образом информацию он через Лисснера передавал советским разведорга-

нам. Урсула Шварц заявила также, что знала, что Кромэ ежемесячно получал 4–5 докладов относительно перемещения японских войск и точную информацию об авиазаводах и ВМФ. Посол Штаммер послал в Берлин радостное известие: «В посольстве и ранее замечалось повышенное внимание со стороны Кромэ и Шварц к заходам в порты германских кораблей».

Далее настал черед Коикэ, помощника Кромэ. Для него хватило нескольких ударов по лицу, и он стал давать показания. В середине июля начались допросы Вернера Кромэ. Следователь разложил перед ним наиболее часто употреблявшиеся орудия пыток и предложил выбрать те, которые ему понравятся. Как бы поначалу не намеревался сопротивляться Кромэ, долго это ему сделать не удалось, и он начал признаваться. Под воздействием непрестанных пыток он начал бояться даже намека на удар по голове и вскоре стал говорить совершеннейшую нелепицу.

А именно: он, Кромэ, уже давно знал, что Лисснер работает на советскую разведку, что тот в качестве двойного агента переправляет в советское консульство в Харбине информацию по Маньчжурии, Японии и Китаю. Кромэ якобы постоянно получал от Лисснера шпионские приказания и исполнял их. Смысл их заключался в наблюдении за развитием дипломатических отношений между Москвой и Токио, слежении за германско-японскими политическими связями, разузнавании стратегических планов Японии, исследовании состояния рабочего движения в Японии и мониторинг всех движений в германском посольстве. Также Кромэ якобы точно знал, что помимо Токио Лисснер собирал информацию в Шанхае, Тяньцзине, Пекине и Харбине и передавал ее всю советскому представителю.

26) «Признания» под пытками.

Лисснер был крепким орешком. Следователь положил рядом с собой блокнот для стенографирования, однако разведчик школы Канариса молчал. Ему не в чем было признаваться. Пыточный мастер набросился на свою жертву с жадностью профессионала. День за днем, час за часом Лисснера подвергали пыткам. Когда он терял сознание, его встряхивали, и перед ним открывались новые ужасы. Много позже, вспоминая об этих тяжелых часах в мемуарах, он выражался очень кратко: «Дай воды... ага... на обе ноги... опусти голову. Воды... вставь голову. Обе ноги... Между бедрами и икрами вставляли палку и заставляли на нее садиться. На голову надевали мешок, я почти задыхался. Сжимали шею. Каждый вечер после ужина били большой бамбуковой палкой. Спина превратилась в сплошной кровоподтек. Я думал – вот сейчас они меня убьют...».

От постоянных побоев сознание Лисснера помутилось, однако он держался. Следователь делал так, чтобы допросы Лисснера слышал в соседней камере его друг Кромэ. Тот вспоминал: «После многих допросов и многих избиений я услышал, как допрашивают Лисснера. На второй день речь зашла и обо мне. “Кромэ был твоим агентом?” – в ответ громкий крик “Нет!” и затем звук удара. Следователь громко, раз за разом повторял вопрос, и каждый

раз ответом было “Нет”; наконец прозвучал стон и совершенно срывающимся голосом “Нет”. Звуки ударов. Вероятно, Лисснер мог только стоном ответить свое “Нет”. Затем раздался звук падающего тела – это Лисснер потерял сознание. Звук воды, выливаемой из ведра. Затем допрос начался сначала».

У Лисснера не было шансов пережить и выдержать такие ужасные пытки. В конце концов он признался, что был советским шпионом. 9 августа 1943 г. *кэмпэйтэй* одержала «полную победу». В тот же день в германское посольство была отослана памятная записка, где говорилось, что прояснились все обстоятельства дела («Сообщение относительно шпионского Дела Лисснера»).

Для посла Штаммера с его односторонним подходом в ней были интересны следующие моменты: «С 1940 г. в качестве шпиона-двойника он сносился с сотрудником разведслужбы Советской России в Харбине и передавал советской стороне сведения по Японии, Маньчжурии и Китаю... В соответствии с признаниями Кромэ, Шульце и Коикэ, действовавших по его указаниям в Токио, полностью подтверждается шпионская деятельность Лисснера в Японии, наносившая этой стране большой ущерб».

27) *Неудачная попытка самоубийства Лисснера.*

Однако антилисснеровская группа рано праздновала победу. Когда истерзанный пытками человек почувствовал некоторый возврат сил и вспомнил, в чем он «признался», он применил старинный японский способ отказа от своих показаний. Это была попытка самоубийства. На тех, кто проводил пытки, это произвело большое впечатление. Лисснер обмотал тесемку вокруг шеи и руками затянул ее. Ему пришлось натягивать тесемку обоими коленями. Когда его в таком виде обнаружил надзиратель, он был уже без сознания. Тюремный врач сказал, что надзиратель спас его в самый последний момент. Пришел следователь и поразился мужеством и силой духа заключенного. Он очень взволнованно говорил Кромэ по-немецки: «Неслыханный по энергичности поступок! Он сам своими руками поднимал свои ноги!»

И допросы Лисснера с применением пыток продолжились. Однако обвинители Лисснера в германском посольстве хотели услышать непосредственно от Лисснера то, что *кэмпэйтэй* не смогла из него вырвать. 16 августа перед ним предстал сам Майзингер. Гестаповец стал уговаривать Лисснера окончательно признаться в том, что тот вел шпионскую деятельность в пользу Советов. Однако Лисснер пришел в возбуждение и «отвечал дерзко» (из доклада посла Штаммера), из-за чего Майзингер разозлился и стал нажимать, стараясь доказать, что Лисснер работал вовсе не только на германскую военную разведку. Дело в том, что за это время Лисснер наговорил много такого, что представляло германское посольство далеко не в лучшем свете. Он настаивал на том, что, действуя по приказам германской военной разведки, иногда совершал поступки, противоречившие интересам Японии. Майзингер пришел в ярость и стал давить на Лисснера, чтобы тот взял эти сло-

ва обратно. Относительно встречи Майзингера с Лисснером посол Штаммер сообщал в Берлин по телефону: «Лисснер стал нести полную околесицу, и Майзингер прервал встречу с ним. Он ясно дал понять японской *кэмпэйти* следующее. Заявление Лисснера о том, что, получив устные приказания от немецкого руководства разведки, он проводил шпионскую деятельность против Японии, является чистой ложью».

28) *Допросы с пытками от гестаповца Майзингера.*

21 августа Майзингер вновь предстал перед Лисснером и потребовал, чтобы тот отказался от ранее данных показаний, в которых говорилось, что по приказу руководства германской военной разведки он проводил шпионскую деятельность против Японии. Лисснер вновь отказался. На это не имевший никакого отношения к посольству штандартенфюрер СС Майзингер страшно разъярился и прервал встречу. Он вновь оставил следователю по делу Лисснера капитану Сиути письменное заверение в том, что обвиняемому не давалось никаких полномочий для ведения разведдеятельности против Японии.

Однако из-за визита Майзингера Сиути решил еще раз подвергнуть испытанию Лисснера, который уже и так прошел все ужасы пыточных камер. Снова начались избиения, вновь Лисснер оказался на грани потери человеческого состояния.

В его мемуарах это описано достаточно откровенно: «Он хотел задушить меня. На этот раз рот мне заткнули платком, так что и сказать было ничего не возможно. Другие хоть спрашивали. Полная темнота, быстро убывающее здоровье, туберкулез... после ужасной пищи хочется пить. Болят ноги, болят внутренности...» Лисснер был на пределе. Он подал капитану Сиути просьбу о встрече с Майзингером, чтобы сделать ему важное заявление.

3 сентября Майзингер появился в комнате для свиданий. Мы знаем о содержании сказанного Лисснером лишь из отчета посла Штаммера, отправленного в Берлин. «Теперь Лисснер заявляет следующее. Руководство германской военной разведки никогда явно не приказывало ему вести разведдеятельность в отношении Японии. Тем не менее он интерпретировал указания руководства именно в таком смысле. Судя по уже сделанному им признанию, он передавал советской стороне не особо важные сведения, собранные Кромэ. Тем не менее, целью этого было получить для германской стороны более важную информацию о России». Однако это признание не удовлетворило гестаповца Майзингера; наоборот, оно вывело его из себя. Для центра государственной безопасности было достаточно, чтобы подтвердилось хотя бы следующее: для работы с советским консульством Лисснер получал материалы о деятельности разведорганов, т. е. это было не что иное, как официальное распоряжение. Таким образом, в ближайшем будущем обвинение Лисснеру как советскому шпиону может быть снято.

Следовательно, немаловажным было оказание помощи своему сотруднику, оказавшемуся в тяжелом положении, со стороны разведорганов. Воен-

ный же атташе посольства как всегда плясал под дудку Майзингера, помогая именно ему. Этот человек по фамилии Кречмер, ставший после войны одним из руководителей разведорганов ФРГ, послал 24 октября в Берлин следующую телеграмму: недоверие к Германии с японской стороны «уже не может более усилится после того, как подтвердилось, что руководство разведки санкционировало сбор информации в Японии». «Активное выставление Лисснера в положительном свете, на чем настаивает 1 отдел военной разведки, лишь усилит скепсис японской стороны». Военно-морской атташе посольства в своей телеграмме в Берлин сообщал: «Я полностью согласен с этими доводами».

29) *Попытки военной разведки спасти Лисснера.*

Руководство военной разведки настаивало, чтобы их подчиненные предпринимали действенные и реальные меры по спасению. Родители Лисснера трижды обращались в МИД с подобными прошениями. Элтинг прислал 8 октября матери Лисснера телеграмму со следующими словами: «Мы получили ваше сообщение. Прилагаем все усилия для прояснения и решения вопроса. Держитесь; мы делаем все возможное. Буш».

Однако берлинские чиновники и работники аппарата военного атташе в германском посольстве в Токио всячески тормозили эти действия. Они буквально выполняли указание «игнорировать» все просьбы и прошения, посылавшиеся в ведомство Риббентропа. Наконец, ведомство военной разведки было вынуждено отказаться от попыток, и 25 января 1944 г. мать Лисснера Шарлотта получила следующую телеграмму: «Вмешательство в судебное разбирательство оказалось невозможным. Ваши расходы на жизнь будут возмещены германским консульством или местной автономной организацией. Буш».

Беды громоздились одна на другую; тяжелым известием для Лисснера стало то, что Лидтке, бывший его очень хорошим руководителем и более 10 лет – сослуживцем (Лисснер называл его «профессором»), предал его.

То, чего требовал следователь капитан Сиути, признание о безалаберной жизни Лисснера, было получено в начале ноября 1943 г.; для секретаря Лисснера хватило двух дней в японском застенке, чтобы он сказал все, что от него требовалось.

Отступничество «профессора» Лидтке не было для Лисснера большим ударом, однако и в 1949 г. его раздражение не исчезло, и он говорил своему брату Перси: «Он несколько раз слал мне свои рукописные “объяснения”. Не только я, но и Кромэ не мог этого спокойно читать. Эти “объяснения” – одна грязь. Теперь этот мошенник говорит, что вот, так получилось, но все это чушь. Тянется вся эта бессмыслица уже почти год».

30) *Одиночество Лисснера, его прозрение относительно бесчеловечности нацизма.*

Друзья предали его; сослуживцы на родине отказались видеть в нем человека; физические силы постепенно истощались. В полном одиночестве Лисснер теперь пересматривал всю свою прошедшую жизнь, как бы высвечивая ее от-

дельные куски фонариком. Таким ли было воздаяние ему от Германии, которой он посвятил всего себя и служил в самых тяжелейших условиях? Таков ли был результат его работы для Германии, его второй родины, для которой он пожертвовал всем, изо всех сил стараясь стать полноценным членом единой нации?

Лисснер начал исследовать свою жизнь, пытаясь понять, когда он ошибся в первый раз. Однако его попытка анализа не была холодной и рациональной. То были горячечные галлюцинации, сладкие видения, говорившие, что ему удастся построить свою жизнь еще раз заново.

Лисснер чувствовал, как будто его тело рассыпается на кусочки и вновь возвращался в полубессознательное состояние, не будучи в состоянии отделить мечты от реальности. Тогда ему казалось, что власти, перед которыми он не угодничал и которые засадили его в одиночку, в конце концов даруют ему нормальную человеческую жизнь. Отрезанный от внешнего мира, он все еще сохранял в себе достаточно мужества, однако при этом он как во сне видел перед собой другого Лисснера и не мог предугадать, какими ужасными последствиями все это будет сопровождаться.

Чем более изощренно отчаявшийся Лисснер в своей одиночке выстраивал мысли у себя в голове, тем явственнее создавал он характер нового человека, вытягивая его из собственного прошлого, где тот скрыто присутствовал.

Он увидел, что для него открывается шанс встать на путь свободы в том случае, если он будет играть роль непоколебимого борца с бесчеловечным нацистским режимом, если увидит перед собой цель – свержение несправедливого государственного строя и станет действовать в этом направлении беспрестанно. Уже через несколько месяцев он сформулировал это для себя так: «Отчаянная борьба с нацизмом... поскольку я бросаю вызов этому дьяволу, пользуясь его же дьявольским оружием; и победа, и поражение станут чем-то грандиозным. Для того, чтобы победить этого дьявола, утопить его, я не изменю своих принципов».

В сомнамбулической уверенности Лисснер выстраивал основные вехи своей жизни в новом порядке. Его произведения, так широко читавшиеся в Третьем Рейхе, – что это было, как не скрытое противодействие несправедливому нацистскому режиму? Многочисленные поездки за рубеж – разновидностью побега из гитлеровской Германии. Деятельность в разведведомстве адмирала Канариса – сопротивлением системе изнутри, помощью тем людям, которые стремились свергнуть Гитлера... Подобные мысли роились у него в голове и принимали постепенно форму застывших понятий. Что получил он как немец? На это следовал немедленный ответ: «Массу невзгод и страданий. Собственно, все кончилось тем, что я пристал к земле тяжких снов и несчастий».

31) *Направление дела в прокуратуру.*

Находясь в подобном нереальном состоянии создания нового характера, Лисснер, сам того не замечая, вплотную приблизился к обретению опыта мученика. А в это время его дело было передано из *кэмпзйтай* в прокуратуру-

ру, работникам которой сразу же стало ясно, что собранные *кэмпэйтэй* уличающие материалы вызывают немало вопросов. В Харбин был послан работник прокуратуры, наделенный особыми полномочиями. Там он проверил банковские счета Лисснера. Оказалось, что он не перевел с них Кромэ ни иены, что полностью разрушало основную линию версии о преступной группе «Лисснер–Кромэ».

Когда Кромэ и его товарищей перевели в йокогамский следственный изолятор, ему стало ясно, что что-то изменилось. Из воспоминаний известно, что ему пришлось еще раз несколько недель прождать в совершенно темной камере с цементным полом, а стояла холодная зима. Однако вскоре в прокуратуре с ним впервые стали обращаться по-человечески и разрешили сидеть на стуле со спинкой. Один Лисснер все никак не мог приспособиться ко внезапно изменившейся ситуации. По рассказам Кромэ, даже на вопросы прокурора он отвечал «довольно холодно», за что был наказан и несколько часов провел в стоячем карцере. Находясь там, он ворчал: «Вы, что, думали – меня так легко сломать?»

32) *Освобождение Лисснера в связи с полной невиновностью.*

После многомесячных пререканий между прокуратурой и *кэмпэйтэй* надувательство последней стало очевидным, и дни мучений стали подходить к концу. В январе 1945 г. Лисснер и Кромэ были выпущены из камер на свободу в связи с невиновностью. Более того, японское правительство в виде компенсации за свой счет поселило Лисснера в гостинице «Фудзия» в пригороде Токио. Однако это был уже совсем не тот Лисснер, что раньше. Левая сторона тела у него была полностью парализована, сильно болело сердце, правый глаз почти не видел. Ко всему этому от болей он не мог спать, покрывался потом, а, когда забывался, то просыпался с криком, так как ему снились все новые пытки. Когда Кромэ увидел его, тот был в бредовом состоянии. «Я и сейчас с дрожью это вспоминаю. Сколько бы я ни колот его иглой в руку или в ногу, причем глубоко, он совершенно не ощущал боли». Состояние Лисснера быстро ухудшалось, и он был помещен в больницу «Сэйбу».

Однако врачи сказали, что помочь ему невозможно; смирившись с этим, Лисснер переехал в Гора, где снял маленький дом. Служившая там молодая японская девушка Дзюнко своей любовью и мягким уходом смогла снова вдохнуть в него жизнь, и он начал постепенно выздоравливать (однако до 1949 г. продолжал страдать от частичного паралича). Он тут же начал строить новые планы: теперь он намеревался продолжить деятельность в японских газетах. В его голове бродили замыслы новых произведений. Он также планировал осуществить свою самую заветную мечту: переехать на жительство в Америку. С такими намерениями он принялся писать свои воспоминания, обдуманные уже в тюремной одиночке – историю жизни Ивара Лисснера.

К Рождеству 1945 г. он закончил основную часть книги. Казалось, к нему вернулась былая работоспособность. Когда Кромэ навестил его в Гора, то

был поражен «просто исходившей из него полностью вернувшейся жизненной силой». Лисснер поспешил встретиться с размещившимся в Японии руководством оккупационных сил. Целью было уладить все предполагаемые процедуры по своему перемещению на постоянное жительство в Америку. К тому времени от сбросил с себя все немецкое; собственно, и мемуары свои он записал на английском языке. К тому же у него с давних времен сохранился латвийский паспорт. Он превозносил западную демократию и отрицал все немецкое. По его словам, «12 лет я был немцем, включенным в историю Германии. Однако, теперь мне, наконец, удалось сбросить с себя это ярмо».

33) *Возвращение Лисснера в Германию и писательская деятельность.*

Тем не менее, несмотря на все его превращения, переезд в Америку оказался невозможен. В 441 отделе американского департамента контрразведки (СИС, Counter Intelligence Corps) проверили его прошлое и запретили ему въезд на территорию США. СИС, в соответствии с представительством страны-победительницы, рассматривала Лисснера как «сотрудника нацистского МИДа» и внесла его имя в список лиц, пребывание которых в Японии было крайне нежелательным. Друзья Лисснера в вооруженных силах Америки, давно знавшие его, ничем не смогли помочь, и Лисснеру пришлось покинуть Японию. 1 апреля 1948 г. он вылетел из Токийского аэропорта в столь нелюбимую им Германию.

Категорически отбросив свое прошлое, он одновременно произвел в своей жизни некий душевный разлом. В своих воспоминаниях он говорил о том, как солидаризировался с идеями Третьего Рейха, после чего за этим захлопнулась дверь и была заперта на крепкую задвижку. После этого Лисснер никогда не пытался рассказать о своей жизни до 1945 г. О том, что будущий составитель бестселлеров в Западной Германии получил опыт на Дальнем Востоке, не просочилось ни слова.

Да и следы большинства тех, кто знал о довоенной жизни Лисснера, почти стерлись. Майзингер был привезен в Польшу и казнен там как военный преступник. Посланник в Синьцзине Вагнер умер в советском лагере. Доносчик Шульце короткое время шпионил на США, но загадочно погиб во Франкфурте. Галинский, сообщивший Лисснеру о замышлявшемся против него, хранил молчание до самой смерти. Другие куда-то исчезли после войны. Бывший посол в Японии Штаммер давал покаянные письменные показания; бывший консул в Харбине Поншаб поступил на работу в консульскую службу ФРГ и чувствовал себя отлично.

Так прошло довольно много лет. Лисснер стал сотрудничать с воскресным выпуском газеты «Дие Вельт», который, как и в старину, старался обольстить своими чарами миллионы немецких читателей, увести их от реальности к фантазиям, в прекрасный мир истории европейской и азиатской культуры. Он написал «Загадки культуры», «Мы живем в стране заходящего солнца», «Так они живут» и многое другое...

Сам Лисснер за всю свою жизнь никого не предавал, и его жена, актриса Рут Ниехаус (Ruth Niehaus), и дочь Имоген (Imogen) ничего не знали о тех терниях и злключениях, через которые он прошел. Однако никто не в состоянии убежать от своего прошлого. Как давно писал Гораций, «прошлое, как и природу, можно вымести прочь, однако прошлое непременно вернется». Вернулось оно и к Лисснеру.

34) *«Открытие» Лисснера английскими историками.*

По мере того, как рос интерес к «делу Зорге», среди английских историков стали возникать вопросы и в отношении Лисснера. Уже в 1951 г. журнал «Шпигель» в серии статей о Зорге (основным автором которых был Кромэ) говорил о «сотруднике разведотдела в Маньчжурии», однако тогда, разумеется, имени Лисснера названо не было. Однако в 60-х гг. два ученых Оксфордского университета Ф. Дикин (F.W. Deakin) и Дж. Стоппи (G.R. Storry) в своем исследовании «дела Зорге» затронули ту роль, которую сыграл в этом Лисснер. Их коллега из Оксфорда Дж. Чапмэн (J. Chapman) написал статью о самом Лисснере и послал ему.

Лисснер, несомненно, был всем этим весьма раздражен. Он уклонялся от всяких расспросов. В письме к нему Дикин настоятельно просил: «Мы предлагали Вам выбрать любое удобное время, однако и в Мюнхене, и в Париже Вы трижды не захотели с нами встретиться».

Лисснер бессознательно защищался, не желая, чтобы чужая рука отворила давно запертую на задвижку дверь и на свет показался другой, совсем неизвестный Лисснер. Он изо всех сил, отчаянно, подобно умирающему сопротивлялся всем разысканиям историков. 16 января 1966 г. он писал в письме Дикину: «Только подумайте: как могли мои так называемые связи с разведотделом, изображенные в вашем произведении, нанести ущерб моим отношениям с Америкой? В нацистский период я вовсе не был доверенным корреспондентом немецкой газеты; соответственно, я не могу терпеть того ложного впечатления, которое могут получить читатели в Англии или в других странах». Следует ли сочувствовать человеку, жизненную эпопею которого разбираешь?

35) *Последние годы жизни Лисснера в Швейцарии.*

Разумеется, сам Лисснер не мог не чувствовать, что так все продолжаться не может. Вскоре он переселился в Швейцарию, где нашел себе новое увлечение – Францию. Он стал сотрудничать с иллюстрированным журналом «Пари Матч» и, не теряя своих немецких читателей, приобрел еще и читателей французских. Однако относительно своего прошлого он хранил абсолютное молчание до самой смерти; единственные разъяснения остались по завещанию в его записках. Это его самооправдания, объяснения и гордость за себя. Однако для специалиста по таким делам легко заметить в них неестественность построений. Впрочем, Лисснер с их помощью старался подправить прошлое и представить совершенно иную жизнь. Бывают взлеты, бывают и душевные провалы. Каждый человек старается переписать свою

жизнь. Но был ли Лисснер таким человеком? Разве одна известная нам страна не прилагала все усилия к тому, чтобы после 1945 г. стереть свое прошлое, стать лучше, честнее, человечнее? Отделять Лисснера от большинства немцев – всего лишь один из приемов литературных мечтаний, посредством которых они делают свою жизнь богаче.

Несмотря на все приукрашивания, мемуары Ивара Лисснера продолжают существовать как отражение нашего мира в виде записок из бесчеловечной эпохи».

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Kuusinen A.* Гоподь низвергает своих ангелов: Воспоминания, 1919–1965. – Петро- заводск, 1991. – С. 197.
- (2) *Lissner.* Mein gefährlicher Weg. – S. 166–168.
- (3) *Kuusinen A.* Der Gott stürzt Seine Engel.
- (4) *Trepper L.* Le Grand Jeu. – Albin Michel, 1975.
- (5) *Werner R.* Sonjas Rapport. – Verlage, Neues Leben, 1977.
- (6) *Von Mayenburg R.* Hotel Lux, 1978.
- (7) *Poretski E.K.* Leivtros, Edition Deuoël. – Paris, 1969.
- (8) Япония и Россия: Коллективная монография. – М., 1990. – С. 152.
- (9) Капитан Сиути Ико, начальник внешнего отдела йокогамского отделения кэмпэйтиай (прим. Х. Кацубэ).

LISSNER – THE REFLECTION OF SORGE

A. Fesyun

Department of Civilizational Development of the East
School of Asian Studies
National Research University – Higher School of Economics
Maly Tryokhsvyatitelsky Per., 8/2, Moscow, Russia, 109028

The biography of Ivar Lissner is presented – a person, who worked in the Far-Eastern region in 30–40th of the XX century and actually repeated the fate of the Soviet Military Intelligence member Richard Sorge. Lissners destiny reflected all those spiritual flingings typical of the German youths of the period between two World Wars; he went through the stage of enthusiasm from the seeming start of German Renaissance when Hitler came to power, bitter offence from the sudden society's rejection when his non-arian origin get clear, to oppressive disappointment from his compatriots' betrayal, when he was put into Japanese prison.

Key words: Lissner, Germany, Fascism, Japan, USSR, Intelligence, Abwehr, Richard Sorge, Manchuria, China.